

тив, он должен был стараться усилить виновность своих противников. Требуемое усиление получится, [413] если мы будем, вместо ὅ τι τύχοιεν²², читать ὅτω τύχοιεν разумеется: τύπτονες; «они били наших рабов чем ни попало»²³. Что от присоединения слов ὅτω τύχοιεν обвинение, выраженное глаголом ἔτυπτον, становится более веским, это и само по себе очевидно, и доказывается такими рассуждениями афинских юристов, как, например, Antiph. tetral. Γ β §2: τὸν — ἄρξαντα τῆς πληγῆς, εἰ μὲν σιδήρῳ ἢ λίθῳ ἢ ξύλῳ ἡμυνάμην αὐτὸν, ἡδίκουν μὲν οὐδ' οὕτως — οὐ γὰρ ταῦτὰ ἀλλὰ μείζονα καὶ πλείονα δίκαιοι οἱ ἄρχοντες ἀντιπλάσχειν εἰσὶ — ταῖς δὲ χερσὶ τυπτόμενος ὑπ' αὐτοῦ, ταῖς χερσὶν ἄλλερ ἔπασχον, ἀντιδρῶν, πότερα ἡδίκουν.

Уже Г. Г. Шефер чувствовал, что предложение ὅτι τύχοιεν испорчено и что оно должно быть исправлено так, чтобы возможно было соединять его не с κακῶς λέγειν, а с ἔτυπτον; но трудно догадаться, что он хотел сказать своей поправкой ὅτε τύχοιεν и еще труднее понять смысл объяснения, которым он сопровождает эту поправку: «Fortasse — говорит он — ὅτε τύχοιεν, referendum illud ad sequentia: ut sit i. q. ἔτυπτον ἂν καί»²⁴.

Заметки к текстам греческих писателей²⁵

I.

[49] Soph. O.R. 540 sq. Эдип Креонту:

ἄρ' οὐχὶ μῶρόν ἐστι τοῦγχείρημά σου
 ἄνευ τε πλήθους καὶ φίλων τυραννίδα
 θηρᾶν, ὃ πλήθει χρήμασιν θ' ἀλίσκεται;

²² У Исея III 79 вместо ἐπιδειξάτω ὅτω πρότερον ἢ ὕστερον ἐνεγύησεν οὗτος τὴν ἀδελφῆν, в издании Альда читается ἐπιδ[ειξάτω] ὅτι и т. д. Вообще такие формы, как ὅτω ὅτον, неоднократно вводили в заблуждение переписчиков и давали повод к различным опискам и ошибкам. Так, во фрагменте еврипидовой Меланίππη ἢ δεσμῶτις (frg. 514 Nauck.) рукописи Стосея дают ἐγὼ μὲν οὐκ οἶδ' ὅπως δὴ σκοπεῖν χρῶν τὴν εὐγένειαν. Наук предложил вместо ὅπως читать ὅτω (он читал ἐγὼ μὲν οὐκ οἶδ' ὅτω σκοπεῖν и т. д.); эта догадка нашла себе подтверждение в только что обнародованном ([Blass F. Neue Fragmente des Euripides und anderer griechischen Dichter // Rheinisches Museum. 1880. Bd. 35. S. 294, B, a, v. 15]) отрывке рукописи, сделанной в 4-м веке по Р. X., если еще не ранее; в этом древнем источнике читается: ἐγὼ μὲν οὖν οὐκ οἶδ' ὅτω σκοπεῖν] и т. д. Phot. Bibl. 34b, 14 Bekk. лучшая рукопись дает μέχρις ὅτε вместо μέχρις ὅτου.

²³ Или: «чем им вздумалось». Понятие случайности, заключающееся в значении глагола τυγχάνειν, переходит в подобных выражениях в понятие произвола. Ср. Demosth. XI 1, 29 τοῖς φίλοις οὐκ ἐβούλετο ἐπιτρέψας ἀπαλλαγῆναι τῶν πρὸς ἐμὲ ἐγκλημάτων, ὅτι συνέβαιεν αὐτῷ πάντα ταῦτ' ἐξελέγησθαι· πᾶσι γάρ τούτοις παραγεγενημένοι καὶ σαφῶς εἰδότες οὐκ ἐπέτρεπον ἂν αὐτῷ λέγειν ὅ τι τύχοι. παρ' ἡμῖν δ' οἶεται ψευδόμενος ἐμοῦ τάληθῆ λέγοντος περιγενήσθαι [Dem.] LIX 112 ἐξουσία ἔσται ταῖς πόρναῖς συνοικεῖν οἷς ἂν βούλονται καὶ τοὺς παῖδας φάσκειν οὐ ἂν τύχωσιν εἶναι.

²⁴ [ἢ κακῶς λέγειν, ὅ τι τύχοιεν, ἔτυπτον (Blass, Rennie).]

²⁵ [Опубл.: ЖМНП. 1886. Ч. 243. Февраль. Отдел классической филологии. С. 49–63.]

Как мог Эдип думать, что у Креонта нет ни богатства, ни друзей? Весь гнев царя на Креонта вызван мыслью, что Тиресий, навлекая на Эдипа ужасное подозрение, действует как приверженец Креонта; а такой друг, такой приверженец, которому подданные Эдипа верят более, чем кому бы то ни было после Аполлона, пророк, в котором, по верованию фиванского народа,

τῶληθὲς ἐμπέφυκεν ἀνθρώπων μόνω,

которого сам Эдип вынужден был назвать единственным защитником и спасителем страны (303 сл.), такой приверженец один стоит многих.

У кого же богатство и влияние в Фивах, если не у Креонта, брата царицы? Эдип сам признает (581 сл.), что благами власти Креонт пользуется наравне с царем и царицей. Как Эдип говорит об Иокасте (580):

ὄν ἢ θέλουσα, πάντ' ἐμοῦ κομίζεται,

так Креонт о самом себе (590):

νῦν μὲν γὰρ ἐκ σοῦ πάντ' ἄνευ φόβου φέρω.

Ему принадлежат τὰ σὺν κέρδει καλὰ (595), то есть, весь почет и все выгоды ἀρχῆς ἀλύπου καὶ δυναστείας (593). Эдип убежден, что Тиресий действует в пользу Креонта и, действуя так, следует не внушениям чувства бескорыстной преданности, а соображениям [50] выгоды; но если Эдип уверен, что у Креонта нет ни богатства, ни других средств, необходимых для достижения власти, то как Эдип мог сказать о Тиресии, что последний ἐν τοῖς κέρδεσιν μόνον δέδορκε (388 сл.)? Нет, в том-то и состоит трагизм положения Эдипа, что каждая его ложная мысль так последовательна, так основательна, так похожа на истину. Точно также и это его подозрение против Креонта должно представляться ему самому совершенно естественным. Шурин Эдипа имеет и богатство, и все средства для того, чтобы набирать себе приверженцев тем способом, каким набирал их Авессалом. Креонт говорит Эдипу, как о чем-то известном и бесспорном (596 сл.):

νῦν πᾶσι χαίρω, νῦν με πᾶς ἀσπάζεται,

νῦν οἱ σέθεν χηρίζοντες ἐκκαλοῦσί με·

τὸ γὰρ τυχεῖν αὐτοῖσι πᾶν ἐνταῦθ' ἔνι.

Стихи 540–542 в том виде, как приведены выше, могли бы считаться интерполяцией, не только дурно прилаженной к контексту, но и неумелой по своей форме. Однако довольно вероятно, что правы те издатели, которые в 541 стихе вместо πλήθους принимают догадку πλούτου.

Мысль о подложности стихов 540–542 была уже высказана и доказываема; доказательства были представлены такого рода²⁶: «Oedipus ist erzürnt,

²⁶ Drewes L. Die symmetrische Composition der Sophokleischen Tragödie «Koenig Oedipus». Helmstedt, 1880. S. 13.

а auch in seinem Selbstgefühl verletzt, denn Kreon hat nach seiner Meinung doch nur einen solchen Anschlag wagen können, wenn er den Oedipus entweder für dumm oder für feige hält. Dass er dem Kreon ausserdem das Thörichte und Aussichtslose seines Unternehmens vorhalten sollte, passt nicht zu diesem Zorne, das wäre vielmehr Hohn und Spott. In dem ganzen Auftreten des Oedipus ist aber von Spott nichts zu bemerken, sondern nur von Zorn. Namentlich spricht gegen die betr. Verse, daß Oedipus das Unterfangen des Kreon denn doch überall nur als gefährlich, nicht als thöricht bezeichnet s. 546, 548, 618 sq., 627, 642 sq., 658 sq., 669. Und warum sollte denn Kreon nicht auch Schätze haben, warum nicht eine auf ihn hoffende, dreiste Anhängerschaar, wenn man ihm einmal solche Absichten zutraut?» Эти размышления, насколько нам известно, не нашли себе сочувствия у издателей Софокла; и в самом деле, [51] они таковы, что легко могут показаться внушенными прежде всего желанием провести во что бы то ни стало мысль о существовании особой числовой симметрии в композиции трагедии. Поэтому мы сочли не излишним изложить те соображения, по которым сами считаем указанные стихи подложными.

II.

Soph. O. C. 505 sq. Κοριφειῖ Ἰσμενε:

ἦν δέ τοι

σπάνιν τιν' ἴσῃς, ἔστ' ἔποικος, ὃς φράσει.

τοι. а не του читается в Лаврентианском списке, по сообщению Камбелла (Campbell); Дюбнеру, по крайней мере, «казалось», что тои принадлежит первой руке; к этому же чтению, по всей вероятности, приурочено и древнее толкование, которое в том же списке читается так: ἐὰν δέ τι τούτων ἀγνοῆς, παρὰ τινος τῶν ἐπιχωρίων τοῦτο μαθήσῃ· σπάνιν γάρ φησιν ἀντὶ τοῦ· εἴ τι τῆς εἰδήσεως ἀγνοεῖς περὶ τὸν τόπον. Едва ли возможно сомнение в том, что вторая половина толкования повреждена, что в ней нарушен необходимый порядок слов. Кажется, первоначально она имела такой вид: σπάνιν γάρ φησιν <τὴν> τῆς εἰδήσεως ἀντὶ τοῦ· εἴ τι ἀγν.[οεῖς] π.[ερὶ] τ.[ὸν] τ.[όπον]. Относительно способа выражения ср. Sch. Med. ad Aesch. Pers. 572 Weckl. πρὸς ἀνάγκαν· τὴν τοῦ θανάτου, Sch. Med. ad Aesch. Ag. 1066 ἐκείνην γάρ ἀπώλειαν μόνως ὀρίζομαι τὴν τῆς δουλείας, οὐ τὴν νῦν, а особенно Sch. Laur. ad Soph. Ai. 52 χαράν φησι τὴν ἐπὶ τῷ δοκεῖν τοὺς Ἕλληνας ἀνηρῆσθαι и 350 ὀρθὸν νόμον τὸν τῆς φιλίας φησίν.

Несмотря на поврежденность формы, смысл толкования совершенно ясен. Оно нелепо, как всякий видит по результату, но по методу вполне безупречно. Слова εἰ δέ τοι σπάνιν τιν' ἴσῃς теперь, я думаю, всякий читатель понимает так: «если же у тебя не окажется какой-нибудь вещи,

необходимой для исполнения обряда, который ты должна совершить». Почему же схолиаст не хотел допустить этого понимания, которое так просто и естественно, что не могло не приходить ему на ум? Потому, должно быть, что в таком сочетании мыслей: «если у тебя не окажется какой-нибудь вещи, то человек, который живет там, скажет»; это «скажет» (φράσει) является как нельзя более παρὰ προσδοκίαν; ожидается не «скажет», а «даст, доставит» и т. п. Так, полагаем, рассуждал грамматик и рассуждал почти вполне правильно; не прав он был только потому, что, выходя [52] из смысла аподосиса, насильно смысл протасиса, между тем как следовало, приняв за точку отправления единственно возможное понимание протасиса, признать поврежденность аподосиса.

Φράζειν должен прежде всего тот, разумеется, кто σπάνιν τιν' ἴσχει, кто χρήζει τι. Ср. Philoct. 49: εἶ τι χρήσεις, φράζει. O.R. 655: ΟΙΔ. οἴσθ' οὖν ἃ χρήσεις; ΧΟ. οἶδα. ΟΙΔ. φράζει δὴ· τί φής; 932 sq. φράζ' ὅτου χρήζων ἀφίξαι. Trach. 416: λέγ' εἶ τι χρήσεις. — Ἐποικος должен не φράζειν, а πείθεσθαι тому, кто φράζει. Ср. Ant. 1099: τί δῆτα χρῆ²⁷ δρᾶν; φράζει: πείσομαι δ' ἐγώ. Φράζειν должна Исмена, то есть, мы должны читать не δε φράσει, а φ φράσεις. Легко понять, как из ἔποικος φ явилось ἔποικος δε, а коль скоро сделана была эта ошибка, то и φράσεις должно было измениться в φράσει.

III.

Aristoph. Thesm. 151 sq.:

(АГА.) — γυναικεῖ ἦν ποιῆ τις δράματα,
μετουσίαν δεῖ τῶν τρόπων τὸ σῶμ' ἔχειν.

КНД. οὐκοῦν κελητίσεις, ὅταν Φαίδραν ποιῆς;

Существовала ли в числе Агафоновых трагедий какая-нибудь «Федра», мы не знаем. Положим, что существовала. Если бы она была написана и поставлена прежде этой комедии Аристофана, то полагаю, комик придал бы иную форму своей шутке, сказал бы, например, οὐκοῦν ἐκελητίσεις σὺ τὴν Φαίδραν ποιῶν или что-нибудь в этом роде.

²⁷ Улиг в предисловии к изданию грамматики Дионисия (Dionysii Thracis Ars grammatica... Ed. G. Uhlig. Lips., 1884) напечатал в извлечении коротенький греческий трактат по метрике. Часть его, излагающую учение о цезурах, издатель сообщает на стр. XV в таком виде: εἶδη τοῦτων δύο, τὸ κατὰ συζυγίαν καὶ τὸ κατὰ πόδα. κατὰ συζυγίαν μὲν ἔστι τινα ἃ τέμνεται, οἷον <τὸ> τροχαϊκόν. τοῦτο γὰρ ἐκ παντὸς τρόπου βούλεται τὴν συζυγίαν ἀπαρτίζειν εἰς μέρος λόγου, οἷον «θάσσων ἢ μέχρι προβαίνω» (lege θάσσων. unde sumpta?) Κατὰ δὲ πόδα οἷον τὸ ἠρωϊκόν. Г. Шёманн (Philol. Anzeiger [1885.] Bd. XV. S. 415) догадался, что μέχρι ошибочно написано вместо με χρή, но и он отказался указать источник, из которого метрик заимствовал свой пример. Источником послужил, наверное, 729 (719) стих «Ореста»: θάσσων ἢ μ' ἐχρῆν προβαίνω ἰκόμην δι' ἄστεος. Кроме того, нам кажется, что в приведенных словах трактата есть два пропуска, а не один; мы читали бы: κατὰ συζυγίαν μὲν ἔστιν <ὀλίγα> τινα ἃ τέμνεται, οἷον <τὸ> τροχαϊκόν.

[53] Мы не имеем, конечно, права на такое изменение текста; но что он значит? Когда ты пишешь Федру, ты — κελητίζεις. Может быть, Агафон в краткий период от начала своей деятельности до времени постановки этой комедии поставил несколько «Федр», несколько пьес, написанных на один и тот же сюжет, и именно на тот самый, который дважды уже был обработан Еврипидом; а потому Аристофан мог представить сочинение «Федр» чем-то обычным для Агафона и κελητίζεις ὅταν κτέ, может быть, значит: «κελητίζεις каждый раз, когда» и т. д.²⁸ Нельзя доказать абсолютной невозможности этого предположения, но и нельзя считать его особенно вероятным. Какие предположения еще возможны? Может быть, Аристофан, когда писал эти свои «Фесмофории», знал, что в то же время Агафон был занят «Федрой», и остроту комика нужно понимать так: «каждый раз, как ты принимаешься за работу над „Федрой“, ты κελητίζεις». Но Еврипид и старик, его свойственник, приходят к Агафону как раз в [54] то время, когда последний творит новую трагедию: изображается процесс этого творчества, но изображается такими общими, отвлеченными чертами, которые комик, по всей вероятности, заменил бы более конкретными и потому более язвительными, если бы мог утверждать, что сюжет новой трагедии составляет миф о Федре, столь благодарный для пародической разработки. В изображении процесса Агафонова творчества есть только одна черта, которая могла бы считаться намеком на определенный сюжет, но на сюжет совсем иного рода, на миф из числа Троянских: разумею стихи 109 сл.:

²⁸ В соответствующем по синтаксической структуре месте, Ran. 16 sq.

μή νυν ποιήσης. ὡς ἐγὼ θεώμενος,
ὅταν τι τούτων τῶν σοφισμάτων ἴδω,
πλεῖν ἢ ἵναυτῷ πρεσβύτερος ἀπέρχομαι,

я полагаю, невозможно сочетание θεώμενος — ἀπέρχομαι, «сидя в театре, ухожу», напротив, совершенно естественно θεώμενος — ἴδω: поэтому, кажется, следовало бы запятую ставить не после θεώμενος, как делают все издатели, а перед этим словом. "Ὅταν стояло, по-видимому, не в начале предложения и у комика Тимокла (Com. Att. fr. ed. Kock vol. II, p. 459; vol. III, p. 600 sq. Mein.): *Ἄνυτος ὁ παχὺς πρὸς Πυθιανίκτην ὅταν ἔλθων φάγη τι. Придаточное предложение начинается в конце одного триметра, а союз, связывающий придаточное с главным, — в начале другого, следующего, например, Ag. Thesm. 292 sq.: πῶ ποῦ καθέζωμ' ἐν καλῷ, τῶν ῥητόρων ἰν' ἐξακούω;

Так как зашла речь об интерпункции, то признаемся еще, что не понимаем, почему те же издатели, которые печатают, например, Av. 107: ἀλλ' εἰπατόν μοι, σφῶ τίν' ἐστὸν; EYE. νῶ; βροτώ. или 1229 sq.:

Φράσον δέ τοι μοι, τὰ πτέρυγε ποῖ ναυστολεῖς;

IP. ἐγὼ; πρὸς ἀνθρώπους πέτομαι...

или Ran. 181:

τοῦτί τί ἔστι; ΞΑΝ. τοῦτο; λίμνη...

не ставят вопросительного знака после αὐτῆ Thesm. 896 sq.:

EYP. ξένη, τίς ἡ γραῦς ἡ κακροθοῦσά σε;

ΚΗΔ. αὐτῆ Θεονῆ Πρωτέας.

Φοῖβον, ὃς ἰδρύσατο χώρας
γύαλα Σιμμωντίδι γᾶ.

Стих 153 сам по себе без других мог бы служить достаточным указанием для зрителя на то, что трагедия, которая теперь сочиняется, есть «Федра», но чтобы удовлетворять этой цели, способ выражения в этом стихе должен был бы быть более определенным. Если бы Аристофан мог представить действие τοῦ κελητίζειν неизбежным, по теории самого Агафона, спутником того действия, которым теперь занят Агафон, то, конечно, Аристофан воспользовался бы этой возможностью, так как энергия шутки в таком случае, разумеется, много выиграла бы. Легко было бы придать 153-му стиху такую форму, при которой он совершенно ясно и определенно указывал бы зрителю, что именно теперь Агафон Φαίδραν ποιεῖ и потому должен κελητίζειν. Можно было бы, например, сказать οὐκοῦν (или ἦ καὶ, или даже ταῦτ' οὖν) κελητίζεις σύ; Φαίδραν γὰρ ποιεῖς. Но Аристофан почему-то не воспользовался ни одной из таких возможностей, число которых для него, конечно, было гораздо значительнее, чем для нас.

Может быть, он хотел говорить не о «Федре», а о трагедиях или характерах вроде «Федры». Так, кажется, понимал мысль поэта Мейнеке, когда к разбираемому стиху делал примечание: «Φαίδραν: Φαίδρας?». Блэдс считает эту догадку правдоподобной и сравнивает стих 547 «Фесмофорий» (Μελανίπλας ποῶν Φαίδρας τε) и Ran. 1043 sq. Можно было бы сравнить еще, напримр, Ran. 963 (Κύκνους ποῶν καὶ Μέμνονας κωδωνοφάλαροπῶλους).

Толкователь Аристофана должен же остановиться на каком-нибудь предположении; но прежде чем сделать это, он должен понять, на чем основано сочетание представлений Φαίδρα и κελητίζειν. Фритче к слову κελητίζεις замечает: «De isto artificio — tacere praestat; [55] neque qui ista callent mysteria sua temere nobis enuntiant. Sed animadvertimus, prostibulas magis quam matronas, tam absurdae Veneri deditas fuisse. Ut alia praeteream, meretrix κελητίζει verbi causa ap. Horat. Sat. II, 7, 50., in Vespis v. 500, et si quaeris, etiam hoc loco, ubi Phaedra pariter atque in Ran. 1043 Φαίδρας — πόρνας pro meretrice habita est». При этом толковании, которое представляет в сущности перифраз того, что дано было уже Берглером, предполагается такой ход ассоциации представлений: представлением Φαίδρα вызывается представление πόρνη, а представлением πόρνη представление κελητίζειν. Но как натяжута, как темна, как «холодна» выходит при таком понимании шутка Аристофана! Ведь только для ученого комментатора, сопоставляющего стих «Фесмофорий» с 1043-м стихом «Лягушек», может казаться естественным и понятным, что Φαίδρα и πόρνη, любовь и торговля, одно и то же. И разве τὸ κελητίζειν такой постоянный и сам собою разумеющийся

признак τῆς πόρνης? Что это artificium не было постоянной и неизбежной обязанностью этих женщин, доказывают именно 500 сл. стихи «О», где πόρνη не κελητίζει, доказывает и Махон ар. Athen. 13, p. 581-e (Vol. III, p. 47, 28 Mein.):

ἔλεγε τῇ Γναθαίῳ
αὐτὸν μὲν ἀξιοῦντα μὴ τετευχέναι
τοῦτου παρ' αὐτῆς μηδέποτε τοῦ σχήματος (сfr. V. 24).

Не была эта «схема» неперменной повинностью, не была и такой исключительной привилегией для

πολύξεναι νεάνιδες, ἀμφίπολοι Πειθοῦς,
которая могла бы отличать их от законных супруг. Смешно проверять или привести цитаты по такому поводу, но — σὺν ἀνάγκῃ πάν καλόν: против свидетельств необходимо поставить или их разбор, или другие свидетельства. Поощрим память римских матрон, заметим только одно: если свидетельство Горация должно доказывать, что у них не в обычае было agitare equum surinum, то оно должно доказывать также и то, что они вообще считали ниже своего достоинства excipere turgentis verbera caudae. Утверждать это, без сомнения, значило бы слишком преувеличивать их скромность; но легко доказать свидетельствами, что толкователи аристофанова стиха, который завел наши размышления в эту темную область, чрезмерно преувеличивают и скромность афинских матрон.

[56] Но свидетельства сейчас нужны нам будут для другой цели, именно для доказательств того, что в основе сочетания Φαίδρα — κελητίζειν лежит такая ассоциация представлений:

Φαίδρα → Ἰππόλυτος → κελητίζειν,
или точнее:

Φαίδρα → Ἰππόλυτος → ἵππος → κέλης → κελητίζειν.

Что в фантазии аристофановой публики, видевшей двух еврипидовых «Ипполитов» и софоклову «Федру», представлением Φαίδρα представление Ἰππόλυτος вызывалось неизбежно, об этом и говорить нечего. Как часто аттическое остроумие изощрялось на сочетании представлений ἵππος и κελητίζειν, и как легко аттическая фантазия, в этой сфере особенно чуткая и подвижная, могла перелетать от собственного имени Ἰππόλυτος к κελητίζειν, это доказывают те цитаты, без которых не обходится ни один комментарий к Аристофану. Некоторые из них приводятся даже именно к этому самому стиху. Мы все-таки повторим их, так как те по крайней мере толкователи, которых мы знаем, помнят эти цитаты, пока толкуют κελητίζειν, забывают воспользоваться ими, когда доходят до слова Φαίδραν. Разумеем такие места, как

Ag. Pac. 899 sq.:

...ἵπποδρομίαν ἄξετε,
ἵνα δὴ κέλης κέλητα παρακελητιεῖ,
ἄρματα δ' ἐπ' ἀλλήλοισιν ἀνατετραμμένα
φυσῶντα καὶ πνέοντα προσκινήσεται,
ἕτεροι δὲ κείσονται γ' ἀπεψωλημένοι
περὶ ταῖσι καμπαῖς ἠνίοχοι πεπτωκότες.

Lys. 676 sq.:

ἦν δ' ἐφ' ἵππικὴν τράπωνται (разумеется: греческие матроны)
διαγράφω τοὺς ἵππέας·
ἵππικώτατον γάρ ἐστι χρῆμα κάποχον
(не πόρνη, а вообще) γυνή.

Machon ap. Athen. l. 1.:

ἑτέρῳ τρόπῳ μὲν συγγεγενῆσθαι μηδενί,
ἐξῆς καθιππᾶσθαι δ' ὑπ' αὐτῆς πεντάκις.

Ag. Vesp. 500 sq.:

κάμέ γ' ἡ πόρνη χθὲς εἰσελθόντα τῆς μεσημβρίας,
[57] ὅτι κελητίσαι ἔκευον, ὄξυθυμηθεῖσά μοι
ἦρετ', εἰ τὴν Ἰππίου καθίσταμαι τυραννίδα.

Lys. 619:

καὶ μάλιστα ὄσφραίνομαι τῆς Ἰππίου τυραννίδος.

(Здесь также каламбур относится не к πόρναι, а к матронам.)

То обстоятельство, что в сложном имени Ἰππόλυτος вторая основа не имеет отношения к κελητίζειν, не было препятствием для аттического остроумия. Ср. Hesych.: Ἰπποκλείδης· οὕτω κακοσχόλως τὸ τῆς γυναικὸς μόριον Ἀριστοφάνης εἶπεν. Photius: Ἰπποκλείδην· τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον, παρὰ τὸ ἵππεύειν (Aristoph. fr. 703 Kock.). Если даже для имени Ἀστυάναξ, которое, казалось бы, и по мифологическому представлению, с ним связанному, и по этимологическому значению так мало было пригодно для непристойного применения, такое применение все-таки нашлось (Fr. com. gr. V, p. CCCLXXIII., fr. CDLXXXVI), то тем скорее могло быть применено так имя Ἰππόλυτος.

Но если игра словами Φαίδρα и κελητίζειν имеет смысл только потому, что Федра представлялась изнывающей по Ипполиту, то не может иметь места такое понимание шутки Аристофана: «когда ты сочинишь трагедии вроде Федры»: под Федрой должна быть понимаема пьеса совершенно определенного сюжета, пьеса, изображающая страстную любовь Федры к Ипполиту. Аристофанов каламбур не мог относиться к пьесе, уже написанной. Насколько мы можем судить, комик не знал и не предполагал, что Агафон в данную минуту был занят сочинением такой трагедии. Но ничто

не препятствовало комику предположить, что и такое δράμα γυναικεῖον будет когда-нибудь написано женственным трагиком. Другой вывод, который тот же родственник Еврипида делает из пиитики Агафона (157 sq.), относится также к будущему времени:

ὅταν σατύρους τοῖνον ποιῆς, καλεῖν ἐμέ,
ἵνα συμποῖῶ σοῦπισθεν ἐστυκῶς ἐγώ.

По этим соображениям мы считаем вероятнейшим такое понимание текста 153-го стиха: в этом тексте есть одна буква лишняя; он должен быть читаем:

οὐκοῦν κελητιεῖς, ὅταν Φαίδραν ποιῆς;

Формы так называемого аттического будущего были неоднократно на разные лады извращаемы переписчиками. Тот вид извращения, какой мы предположили для Аристофанова стиха, встречается, например, [58] в текстах Аристотеля π. αἰσθ. κ. αἰσθ. стр. 447 А 26 и В 4: там несколько списков дают ἀφανίζει ἀφανίζουσιν вместо ἀφανιεῖ ἀφανιοῦσιν.

IV.

Ag. Thesm. 257 sq. Фельзен читает так:

ΕΥΡ. κεκρυφάλου δεῖ καὶ μίτρας. ΑΓΑ. ἦδι μὲν οὖν,
κεφαλῇ περίθετον ἦν ἐγὼ νύκτωρ φορῶ.

ΕΥΡ. νῆ τὸν Δί, ἀλλὰ κάπιτηδεῖα πάνυ.

260.ΚΗΔ. ἄρ' ἀρμόσει μοι; ΕΥΡ. νῆ Δί' ἀλλ' ἄριστ' ἔχει.

φέρ' ἔγκυκλόν τι. ΑΓΑ. λάμβαν' ἀπὸ τῆς κλινίδος.

ΕΥΡ. ὑποδημάτων δεῖ. ΑΓΑ. τὰμὰ ταυτὶ λάμβανε.

ΚΗΔ. ἄρ' ἀρμόσει μοι; ΕΥΡ. χαλαρὰ γοῦν χαιρεῖ φορῶν.

Еврипид наряжает старика, своего родственника, в различные принадлежности женского костюма, какие находятся в гардеробе женоподобного Агафона. При том порядке стихов, какой представляет рукописное предание и сохраняется издателями, Еврипиду дважды подряд приходится расхваливать головную повязку (μίτρα) Агафона, раз словами (259)

νῆ τὸν Δί, ἀλλὰ κάπιτηδεῖα πάνυ

и раз на вопрос старика (260) ἄρ' ἀρμόσει μοι; словами:

νῆ Δί' ἀλλ' ἄριστ' ἔχει.

Напротив того, когда Еврипид спрашивает у Агафона накидку (ἔγκυκλον), то ни старик ничем не выражает опасения, что она окажется ему коротка или узка, длинна или широка, ни Еврипид никакими похвалами этой части наряда не поощряет своего родственника облечься в нее.

Я думаю, первоначальный порядок стихов 259–263 был таков:

259.ΕΥΡ. νῆ τὸν Δί, ἀλλὰ κάπιτηδεῖα πάνυ.

261.φέρ' ἔγκυκλόν τι. ΑΓΑ. λάμβαν' ἀπὸ τῆς κλινίδος.

260.ΚΗΔ. ἄρ' ἄρμόσει μοι; ΕΥΡ. νῆ Δί' ἄλλ' ἄριστ' ἔχει.

262.ὑποδημάτων δεῖ. ΑΓΑ. τάμ' αὐτὶ λάμβανε.

263.ΚΗΔ. ἄρ' ἄρμόσει μοι;

Нарушение порядка произошло вследствие того, что из трех рядом стоявших стихов первый и третий начинались одинаково: вопросом ἄρ' ἄρμόσει μοι.

V.

[59] Ag. Thesm. 502 sq.:

ἑτέρον δ' ἐγῶδ' ἢ φασκεν ὠδίνειν γυνῆ

δέχ' ἡμέρας, ἕως ἐπρίατο παιδίον·

ὁ δ' ἀνὴρ περιέτρεχ' ὠκυτόκι' ὠνούμενος·

505.τὸ δ' εἰσέφερε γραῦς ἐν χύτρῳ τὸ παιδίον,

ἵνα μὴ βοῶη, κηρίῳ βεβυσμένον·

εἶθ' ὡς ἔνευσεν ἢ φέρουσ', εὐθὺς βοᾷ·

ἄπελθ' ἄπελθ', ἦδη γὰρ ὠνέρ μοι δοκῶ

τέξειν.

Опущение подлежащего при βοᾷ, когда так близко при βοῶη подлежащее совсем не то, которое должно подразумеваться при этой другой форме (βοᾷ) того же глагола, представляет, полагаю, значительную стилистическую шероховатость. Предположение, что Аристофан допустил ее, гораздо менее вероятно, чем то, что ст. 507 должен быть читаем так:

ἢ δ', ὡς ἔνευσεν ἢ φέρουσ', εὐθὺς βοᾷ.

VI.

Plat. Euthyd. 274 C в издании Шанца читаем: ὁ γὰρ Κτήσιππος ἔτυχε πόρρω καθεζόμενος τοῦ Κλεινίου, ἐμοὶ δοκεῖν ὡσθ' ὡς ἐτύγχανεν ὁ Εὐθύδημος ἐμοὶ διαλεγόμενος προνευκῶς εἰς τὸ πρόσθεν, ἐν μέσῳ ὄντος ἡμῶν τοῦ Κλεινίου ἐπεσκότει τῷ Κτησίππῳ τῆς θεᾶς· βουλόμενός τε οὖν θεάσασθαι ὁ Κτήσιππος τὰ παιδικὰ καὶ ἅμα φιλήκοος ὢν ἀναπηδήσας πρῶτος προσέστη ἡμῖν ἐν τῷ καταντικρῷ.

Ктисипп хотел не *посмотреть* на Клиния, а все время разговора *смотреть* на предмет своей любви, хотел не θεάσασθαι, а θεᾶσθαι.

В Eurip. fr. 552,1 N. (Stob. flor. 66,1) даже и защиты, представляемой стихотворным размером, оказалось недостаточно для того, чтобы спасти θεᾶσθαι от извращения в θεάσασθαι.

VII.

Plat. Protag. 314 D Сократ рассказывает, как они с Иппократом подошли к дому Каллия, остановились перед входом и разговаривали. δοκεῖ οὖν

μοι — продолжает философ свой рассказ — ὁ [60] θυρωρός, εὐνοῦχός τις, κατήκουεν ἡμῶν, κινδυνεύει δὲ διὰ τὸ πλῆθος τῶν σοφιστῶν ἄχθεσθαι τοῖς φοιτῶσιν εἰς τὴν οἰκίαν· ἐπειδὴ γοῦν ἐκρούσαμεν τὴν θύραν, ἀνοίξας καὶ ἰδὼν ἡμᾶς, Ἔα, ἔφη, σοφισταὶ τινες· οὐ σχολὴ αὐτῷ· καὶ ἅμα ἀμφοῖν τοῖν χερσὶν τὴν θύραν πάνυ προθύμως ὡς οἷός τ' ἦν ἐπῆραξεν.

Выходит, что привратник «по причине множества софистов злился на посетителей дома Каллия». Отношение причины к следствию едва ли объяснимое. Почему швейцар Каллия грубо и злобно отказывается впустить Сократа и Иппократа? Видит ли он в них простых обыкновенных гостей? Нет, по их разговору, который он подслушал, он признает их за софистов: «Ага, какие-то софисты! Барин занят», восклицает он. И понятно, за что он должен злиться на софистов: за множество посетителей, которых софисты привлекают в дом Каллия и которые постоянно беспокоят привратника.

Будем же читать: κινδυνεύει δὲ διὰ τὸ πλῆθος τῶν φοιτῶντων [εἰς τὴν οἰκίαν] ἄχθεσθαι τοῖς σοφισταῖς. Происхождение порчи текста значительно легче будет понять, если слова εἰς τὴν οἰκίαν признаем за позднейшую вставку. Ведь нельзя отрицать, что эти три слова довольно-таки похожи на одну из тех объяснительных интерполяций, которыми так богат Платонов текст.

Не беден ими, как известно, и текст Ксенофонта.

VIII.

Хер. Сугор. 8, 2, 25 в числе различных приемов, которыми пользовался Кир πρὸς τὸ πρωτεύειν παρ' οἷς ἐβούλετο ἑαυτὸν φιλεῖσθαι (§ 26), указывается следующий: καὶ ὁπότε δὲ τις ἀσθενήσειε τῶν θεραπεύεσθαι ἐπικαιρίων, ἐπεσκόπει καὶ παρεῖχε πάντα, ὅτου ἔδει καὶ τοῖς ἰατροῖς δὲ χάριν ἴδει, ὁπότε τις ἰάσαιτό τινα τοῖς παρ' ἐκείνου λαμβάνων.

Слова τῶν θεραπεύεσθαι ἐπικαιρίων, по объяснению толкователей, должны значить: «Deren Heilung von Wichtigkeit war» (Breitenbach). Итак, вот к чему сводилось милосердие царя, которого ученик Сократа представляет идеалом всех добродетелей: Кир заботился о выздоровлении тех больных, выздоровление которых было важно — для него, конечно. Какой же из самых свирепых тиранов не стал бы заботиться о выздоровлении больного, жизнь которого считал бы важной, необходимой для своей собственной пользы или для своего собственного удовольствия?

Но ведь θεραπεύεσθαι, я думаю, не значит даже и «выздоровливать», [61] а значит «быть предметом медицинского ухода или иного ухаживания», а в таком случае как же понять слова ὁπότε — ἐπικαιρίων? Так что ли: «каждый раз, когда заболел кто-нибудь из тех, медицинский уход за которыми был выгоден»? Конечно, не это хотел сказать Ксенофонт.

Мне кажется, едва ли можно сомневаться в том, что *θεραπεύεσθαι* вставлено таким справщиком, который не знал или позабыл, что у Ксенофонта значит термин *οἱ ἐπικαίριοι*.

Конечно, ухаживать только за больными из числа важных чиновных, вообще влиятельных людей — не Бог вещь какая добродетель, но кажется, это будет как раз Ксенофоновская добродетель. Речь идет о тех лицах, которых Кир (8, 1, 46) *κρατίστους ἡγεῖτο καὶ ὠπλισμένους καὶ ἀθρόους ὄντας ἑώρα, καὶ τοὺς μὲν αὐτῶν ἦδει ἰππέων ἡγεμόνας ὄντας, τοὺς δὲ πεζῶν πολλοὺς δὲ αὐτῶν καὶ φρονήματα ἔχοντας ἡσθάνετο ὡς ἱκανοὺς ὄντας ἄρχειν* и т. д., одним словом, о тех, которые называются *οἱ ἐπικαίριοι*, Ксенофонт хочет рассказать о средствах, которыми Кир приобретал расположение этих людей (ibid. § 48). Милосердие Кира во всяком случае сводилось к эгоизму; но своей эгоистической цели оно могло достигать только тогда, когда было очевидно, что оно распространялось на *οἱ ἐπικαίριοι* вообще, а не только на *οἱ θεραπεύεσθαι ἐπικαίριοι*. Если *οἱ ἐπικαίριοι* видели, что каждый из них, заболев, служил предметом нежных попечений властителя, то такая заботливость должна была, конечно, привлекать к царю сердца самого могущественного класса его подданных. Напротив, если бы замечалось, что каждый раз она определялась соображением: «выгодно ли для меня будет выздоровление этого больного», то действие ее должно бы было быть значительно иное. Незавидно и жутко было бы и положение больного, которого удостаивали бы такой условной заботливости: ведь всегда возможно было бы опасение, как бы высоко попечительный врач не нашел, что для него благовременнее будет отправить больного на тот свет, чем вылечить.

IX.

Plut. De Alex. M. fort. or. I c. 9. p. 331 A: *Μὴ γὰρ ὅς οἱ ποιηταὶ ταῖς εἰκόσιν αὐτοῦ καὶ τοῖς ἀνδριάσι μεγαληγορίας ἐπεχάραττον, οὐ τῆς μετριότητος, ἀλλὰ τῆς δυνάμεως τῆς Ἀλεξάνδρου στοχαζόμενοι, σκοπῶμεν*

[62] *Ἀὐδασοῦντι δ' ἔοικεν ὁ χάλκεος εἰς Δία λεύσων*

Γὰν ὑπ' ἐμοὶ τίθεμαι: Ζεῦ, σὺ δ' Ὀλυμπον ἔχε.

Καὶ Ἀλέξανδρος: Ἐγὼ Διὸς μὲν υἱός. Ταῦτα μὲν οὖν, ὡς ἔφην, οἱ ποιηταὶ κολακεύοντες αὐτοῦ τὴν τύχην προσεῖπον: τῶν δὲ ἀληθινῶν ἀποφθεγμάτων Ἀλεξάνδρου πρῶτον ἂν τις τὰ παιδικὰ διέλθοι.

Витгенбах к словам *καὶ Ἀλέξανδρος — υἱός* дает следующее примечание: «*Alexandri videtur esse responsum ad illum epigrammatis poetam, sed fine carens ac truncum. Alibi me legere non nunc quidem recordor*», то есть, он, по-видимому, считает слова *Ἐγὼ — υἱός* ответом Александра автору той эпиграммы, которой принадлежит двустишие *Ἀὐδασοῦντι κτέ.* Но из контекста очевидно, что, как слова:

Γὰν ὑπ' ἐμοὶ τίθεμαι· Ζεῦ, σὺ δ' Ὀλυμπον ἔχε,

так и слова

Ἐγὼ Διὸς μὲν υἱός,

должны служить образчиками тех изречений, какие поэты влагали в уста Александра: им противопоставляются подлинные, τὰ ἀληθινὰ ἀποφθέγματα Ἀλέξανδρου. Плутарх приводит два наиболее известные его читателям примера таких эпиграмм, которые имели форму изречений, произносимых от лица самого Александра. Приводит последний дистих эпиграммы элегического размера и половину первого стиха из эпиграммы ямбической. Как в первом случае, полагаясь на догадливость читателя, Плутарх не объясняет, кто такой ἀνδοσοῦντι ἔοικεν, так и во втором он, наверное, не давал соответствующего, совершенно не нужного объяснения: Ἀλέξανδρος — поздняя глосса. Мы читаем: καὶ [Ἀλέξανδρος].

Ἐγὼ Διὸς μὲν υἱός.

Это понимание приведенного Плутархова места так просто и необходимо, что мы не уверены, не было ли оно уже кем-нибудь предложено. Мы не нашли его ни в тех изданиях, ни в тех отдельных работах по критике Плутарха, какими могли пользоваться; но тот, кому известно состояние и свойства литературы, касающейся «Моралий», поймет, как трудно в этой области избежать повторений того, что было уже сказано.

X.

Plut. De coh. ira c. 10 p. 459 В. Тот, кто, наказывая виновного, не дает воли своему гневу, сравнивается с отцом, не [63] дающим малому ребенку ножа в руки. καὶ γὰρ παῖδα πατὴρ ἰδὼν ἐπιχειροῦντά τι σιδηρίῳ διελεῖν ἢ τεμεῖν, αὐτὸς λαβὼν τὸ σιδήριον ἐποίησε· καὶ τοῦ θυμοῦ τὴν τιμωρίαν παρελόμενος, αὐτὸς ἀσφαλῶς καὶ ἀβλαβῶς καὶ ὠφελίμως ἐκόλασε τὸν ἄξιον, οὐχ ἑαυτὸν ὥσπερ ὁ θυμὸς ἀντ' ἐκείνου πολλάκις.

По всей вероятности, было уже замечено, что следует читать: καὶ ὁ τοῦ θυμοῦ τὴν τιμωρίαν παρελόμενος.

XI.

Plut. De exilio c. 11 p. 603 F. Гражданин не может найти в своем городе тихого беззаботного уединения, как бы ни старался держаться вдали, как бы ни пытался укрыться от интриг, от тревог городской жизни: ἀλλὰ πεττεύοντας καὶ ἀλοκρυπτομένους οἴκοι συκοφάνται καὶ πολυπράγμονες ἐξιχνεύοντες καὶ διώκοντες ἐκ τῶν προαστείων καὶ τῶν κήπων εἰς ἀγορὰν καὶ εἰς αὐλὴν βίᾳ κατὰγούσιν. Ужели писатель-философ не представлял возможным для гражданина, удалившегося от дел, другого времяпрепровождения, кроме игры в шашки, и считал самым тяжким лишением невоз-

возможность спокойно предаваться этой забаве? Сикофанты не дают поиграть в шашки: ужели об этом можно говорить как о самой великой из тех неприятностей, которыми сикофантство грозит мирному гражданину? Будь это так, мирный гражданин мог бы благословлять свою судьбу. Не будем сами сикофантствовать, не будем искать какого-нибудь затаенного юмора в словах писателя: поиски были бы напрасны; будем читать: πτήσσονας καὶ ἀποκρυπτομένους οἴκοι. Ср. Xen. Сугор. III 3, 18 φοβούμενοι πτήσσομεν αὐτοὺς οἴκοι καθήμενοι.

XII.

[Plut.] X oratt. v. 4 § 29 p. 838 E: Εἶχε δ' ἄλλοτρίως πρὸς ἐπίδειξιν, ὡς ἀφικομένων ποτὲ πρὸς αὐτὸν τριῶν ἐπὶ τὴν ἀκρόασιν, τοὺς μὲν δύο κατασχεῖν, τὸν δὲ τρίτον ἀπολύσαι, φάμενος εἰς τὴν ἐπιούσαν ἦξειν.

Исократ не обещал ученику прийти к нему, а приказал прийти на другой день к себе. Надеемся, что не мы одни считаем нужным читать ἦκειν вместо ἦξειν.

К Вакхилиду^{29, 30}

[58] *Bacchylid.* V 6 sq. Прося о благосклонном внимании к своей песне, поэт, если верить английскому издателю, говорить Иерону:

φρένα δ' εὐθύδικ[ω]ν
ἀτρέμ' ἀμπάσας μερμνᾶν,
δεῦρ' ἄθρησον <σύν> νόφ.

Но дополнение εὐθύδικ[ω]ν было бы также возможно, а существительному μερμνᾶν эпитет, как кажется, нужнее, чем существительному φρένα: μέρμναι могут быть разные, могут быть κουφόταται μέρμναι (I 40 sq.), которые не приносят чести тому, ὄντινα θυμὸν δονέουσι. Говоря о заботах правителя, поэт, по требованию литературного этикета, скорее всего должен был характеризовать их как заботы о справедливости и правосудии: этой цели вполне пригодно служить выражение εὐθύδικων³¹ μερμνᾶν.

Bacchylid. XVIII 31 sq. После того, как Эгей рассказал, что слышал от вестника о подвигах необыкновенного богатыря, приближающегося к Аттике, безымянный собеседник спрашивает царя: [59]

²⁹ [Опубл.: ЖМНП. 1898. Ч. 317. Май. Отд. классической филологии. С. 58–62.]

³⁰ The poems of Bacchylides from a papyrus in the British Museum. Edited by F. G. Kenyon. 1897.

³¹ О правописании первого слога можно быть, конечно, различного мнения εὐθυне Вакхилидовский папирус дает XII 2. В пользу орфографии ἰθυδικῶν говорят *Bacchyl.* XV 54 Δίκων ἰθειῶν, известные эпические параллели этого последнего выражения и *Bacchyl.* X 51 ἰθύσας. Ср.: [Nauck A. Kritische Bemerkungen. IX. // MGR. 1885. T. V. Liv. 2. P. 171 sq.]